

МИГЕЛЬ ДЕ УНАМУНО

К 100-летию
 со дня
 рождения

В истории мировой литературы нередко встречаются такие писатели, изучение творческого пути которых следует начинать не с начала их деятельности, а с заключительного периода, так как именно он дает ключ к правильному пониманию иногда весьма сложных и противоречивых явлений прожитой ими жизни. К числу таких писателей принадлежит Мигель Унамуно-и-Хуго.

Талант могучий и многогранный, Унамуно объединил в своем лице философа, ученого, новеллиста, поэта и драматурга. Он принадлежал к так называемому «поколению катастрофы» (то есть к поколению, пережившему утрату Испанией ее колониальных владений в результате войны с Соединенными Штатами) и очень рано начал задумываться над горькими судьбами своей родины, над ее исторической миссией. Особенно близкие и дорогие ему мысли о будущем Испании, в частности мысль о существовании в жизни народа двух историй: «интра», внутренней, «нить которой прядут невежественные, темные люди», — истории подлинной, творящейся в недрах народной души, и «инфра» — истории внешней, официальной, — были сформулированы Унамуно в первоначальной форме в письмах к его выдающемуся современнику Анхелу Ганивету Гарсиа. В дальнейшем Унамуно только всемерно развивал и обогащал свою теорию о наличии в жизни любого народа двух исторических процессов.

Унамуно-человек, Унамуно-философ непрерывно мучается вопросами жизни и смерти, вопросами существования высшего разума, бессмертия. Постоянные метания Унамуно между мистицизмом и социальной критикой не могли, конечно, найти разрешения в тех условиях трагической пустоты, в которых существовали интеллигенты поколения 1898 года. Но эти настроения Унамуно стали причиной появления его философского трактата «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» (1913) — трактата, произведшего потрясающее впечатление в Западной Европе силой заложенного в нем пессимизма и обеспечившего мировую известность его автору.

Таковыми же трагическими по существу являются и художественные произведения Унамуно, его прекрасные «ниволы» (изобретенный Унамуно термин для обозначения философско-символических этюдов, написанных чаще всего в диалогической форме): «Туман», «Абель Санчес», «Три назидательные новеллы», превосходный цикл стихов «Четки из лирических сонетов», поэма «Христос Веласкеса», драмы «Настоящий человек», «Тени сна», «Перевязь», «Воскресшее былое». В художественных произведениях Унамуно нашли выражение те черты его таланта, о которых можно было лишь догадываться по трактатам и статьям об испанской культуре. Написанные на могучем творческом дыхании, все они согреты горячей любовью к человеку. По-видимому, ставя в «ниволах» перед собой задачу вскрыть те уродливые противоречия.

которые лежат в основе испанской жизни, Унамуну нарисовал яркую картину современной ему Испании, нарисовал ее без всяких скидок и прикрас. Советский читатель может легко в этом убедиться, прочтя «ниволлы» и «Три назидательные новеллы» в прекрасном переводе на русский язык, выпущенном Государственным издательством художественной литературы в 1962 году*.

Отдельно, но в неразрывной связи со всей творческой деятельностью Унамуну следует рассматривать его публицистические статьи и письма. Конечно, большинство этих статей имеет для нас сегодня лишь исторический интерес, но в свое время появление каждой новой статьи или свежего письма Унамуну было событием крупного общественного значения, и нередко они зачитывались публично в мадридском Атенео. Последние тридцать лет существования монархии Бурбонов Унамуну был практически на передовой — на линии огня. И сам писатель не мыслил себя иначе. Отвечая в мадридском Атенео своим противникам, обвинявшим его в политическом безумии, Унамуну сказал: «В безумии обвиняли Христа, Колумба и Жанну Д'Арк. Из этого враги мои могут увидеть, что совсем не так просто быть безумным... Да, я товарищ этих безумцев, но не в их безумии, а в завоевании вечности». Эти гордые слова Унамуну старался оправдать, ведя ожесточенную борьбу с клерикально-феодальной монархией Бурбонов, с королем Альфонсом XIII и его министрами, которых не без основания считал злейшими врагами испанского народа. Он ненавидел испанский традиционализм, эту худшую форму реакции, и для него изобрел специальный термин «каинизм». В своей борьбе Унамуну опирался на лучшие силы передовой испанской интеллигенции, любовно называвшей его «наш Мигель» и жадно ловившей каждое его слово.

Если Унамуну пламенно ненавидел клерикально-феодальную власть Испании, то и она отвечала ему тем же. В 1914 году, то есть еще за семнадцать лет до падения монархии, Унамуну был удален с поста ректора Саламанкского университета, где начиная с 1890 года он занимал кафедру греческого языка. «Уже полтора года,— писал Унамуну своему другу в 1920 году,— как я привлечен к суду по трем процессам.

* Мигель де Унамуну. «Назидательные новеллы» с обстоятельной и хорошо написанной статьей составителя сборника В. Столбова.

Все три в Валенсии, и все три по обвинению в печатном оскорблении его величества».

Особенно усилились репрессивные меры против писателя в период военной диктатуры Примо-де-Риверы. Диктатура была установлена в сентябре 1923 года, а в январе следующего, 1924 года, Унамуну, выступивший к тому времени с рядом острых статей, разоблачавших маневры клерикально-феодальных властей, был выслан на безлюдный остров Фуэртевентуру. За этим, возможно, последовало бы и физическое устранение Унамуну. Известны слова одного из палачей Альфонса XIII и Примо-де-Риверы генерала Мартинеса-Анидо: «Если бы на то была моя воля, арестованный Унамуну не добрался бы живым до Фуэртевентуры. Я оторвал бы голову всем этим интеллигентикам». Эти слова как бы предвосхитили истошный вопль генерала Мильяна Астрыя, бесславного героя колониальной войны Испании в Марокко. «Смерть интеллигенции!» — кричал генерал на том трагическом университетском акте в Саламанке, где писатель бросил в лицо испанской военщине свою знаменитую фразу: «Вы можете победить, но не убедить».

В июле 1924 года Унамуну бежал с острова Фуэртевентуры во Францию. Многолетние дружеские связи, существовавшие между Унамуну и Роменом Ролланом, видевшем в своем испанском друге «героя высокой интеллектуальности, писателя трагического и страстного», обеспечили Унамуну почетное место в редакции «Монд». Впрочем, Унамуну провел в Париже только начальный период своей эмиграции, а затем перебрался в пограничное с Испанией местечко Эндайя. На родину он смог вернуться лишь после падения в Испании монархии Бурбонов, в апреле 1931 года.

Республиканское правительство, отдавая должное заслугам Унамуну, присвоило ему звание почетного гражданина, поставило его во главе Высшего национального совета культуры, ввело депутатом в Учредительные кортесы. Однако первые же шаги нового правительства показали писателю, что свержение монархии не внесло по существу никаких коренных изменений в политическую жизнь страны. У власти оказались вместо генералов парламентарии псевдордикального склада, а к парламентарному строю Унамуну относился с недоверием. Так же мало верил он в эффективность для Испании революционных методов борьбы, носившей здесь вначале ярко выраженный

анархический характер. Унамуно стал искать людей, которые вывели бы Испанию на новый путь. Великий писатель-патриот, пламенно любивший свою страну и свой народ, совершил гибельную ошибку, поверив было в идеи молодого основателя испанской фаланги Хосе Антонио Примо-де-Риверы, сына диктатора. Эта роковая ошибка привела писателя в лагерь реакции. Известно, как сложилась здесь жизнь Унамуно: он вынужден был стать свидетелем возвращения старых методов правления ненавистной ему монархии Бурбонов. Хорошо известна также история конфликта писателя с испанской военщиной и его трагический конец во франкистской Саламанке, где он скоропостижно скончался 31 декабря 1937 года, находясь фактически под домашним арестом. Но гораздо менее известен факт, сообщенный на одном из заседаний Второго международного съезда писателей в защиту культуры в июле 1937 года голландским делегатом-католиком Броудером, о существовании предсмертного письма Унамуно. В этом письме Унамуно отрекался от всякого единомыслия с фаши-

стскими генералами. Броудер, незадолго до смерти писателя, посетил Саламанку. После краткой беседы, в ходе которой писатель горько жаловался на окружающую его обстановку, Унамуно передал Броудеру свое письмо для оглашения его в печати. Броудер взялся это сделать, но так и не довез письмо до места назначения. Однако самый факт существования письма был зафиксирован в протоколах конгресса.

Таков этот предсмертный эпизод трагической жизни великого писателя и великого испанца. «Нам известно его гордое одиночество, приведшее его, как Дон Кихота, к смерти в руках меланхолии,— сказал об Унамуно Антонио Мачадо.— Но все то, что в его творчестве и в его жизни было живым словом, борется вместе с нами». А в написанной за год до смерти Унамуно заметке великий поэт, перечисляя четырех «покровителей Испании», «земли Мигелей», последним назвал Унамуно. Так велико было его уважение к памяти этого патриота и замечательного писателя.

Федор Кельин

